

С. Ю. Иванова¹**РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ ДИАЛОГА И КОНФЛИКТА КУЛЬТУР:
ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ**

Современные мировые тенденции развития культуры характеризуются прежде всего тем, что расширение транснациональных экономических связей и коммуникаций превратило планету в «глобальную деревню».

Одно из центральных мест в философском осмыслении процесса глобализации займут, видимо, вопросы, касающиеся идентичности, политического будущего и возможных траекторий развития национальных государств. Что может составить социальную и культурную базу новых направлений развития, какие перспективы коллективного будущего могут быть предложены и приняты? Как отдельная личность определяется в новую эпоху? Какие изменения приносит глобализация в культуру, идеологию, традиционные системы ценностей? Как, не потеряв себя, свою идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобализирующемся мире?

Глобальная циркуляция идей демократизации, культурной образности очевидна и проявляется в форме политических институтов и идеологий, социальных подразделений, культурных ценностей. Конфликт между глобальным и локальным составляет истинную сущность жизни в начале нового века. Но что означают эти термины, какое отношение они имеют к суверенитету и развитию наций и национальных государств? К жизни отдельного человека?

Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась преимущественно как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности» (politicized contestation), что приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов» с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Россия включилась в дискуссию о глобализации на несколько лет позже, потому что именно проигрыш Советским Союзом холодной войны с Западом и последующий распад страны создали тот идеологический вакуум, который и была призвана восполнить концепция глобализации в ее идеологической версии.

Формирующийся одинаковый образ жизни — это не равновесное смещение всех существующих форм, это не сплав этносов, культур с заимствованием в каж-

дом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской, культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгой». Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества.

И все-таки трактовка глобализации как потери культурного разнообразия недостаточно глубокая. Трагичность положения культуры в глобальном мире заключается в том, что она вытесняется другим способом воздействия на духовную и социальную жизнь. Несмотря на споры по поводу определений, культура немислима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы. Это ценностно-рациональное отношение к миру. Оно ограничивает свободу человека, его личные интересы, требуя «служения» чему-то внешнему, высшему, социуму или Богу, что несовместимо с идеалом открытого гражданского общества. Глобализм — это универсальный технологизм. Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности в человеческий фактор развития технологий. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если это технические регуляторы. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционное, разница лишь в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая.

Идеальной моделью посткультурного состояния мира является Интернет. Виртуальное пространство и в самом деле не делится на свое и чужое, здесь не важна ни государственная, ни этническая, ни половая, ни социальная, ни возрастная, вообще — «никакая» принадлежность пользователя, кроме содержания коммуникации, обозначаемого условным адресом. Наконец-то отбрасываются «заскорузлые» категории старого мышления, всякое почвенничество, патриотизм, конфессионализм, сексизм и др. И что получается? Человек-кочевник, номад, не принадлежащий ни к одной культурной группе, кроме, может быть, какой-либо профессиональной корпорации. «Наш идеал, — пишет известный постмодернистский философ Р. Рорти, — безродные космополиты». «Человек без свойств» — вот результат глобализации, доведенной до своего логического завершения. А разве бывают вещи и тела без свойств?

По отношению к глобализму культура находится в том же положении, что и природа. Но если

¹ Главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 211 научных публикаций, в т. ч.: «Современный российский патриотизм» (в соавт.), «Проблемы формирования патриотических убеждений в современной России», «Проблема патриотизма в поликультурных государствах», «Мультикультурализм и идентификационные процессы в полиэтничном социуме: российский опыт и проблемы», «Потенциал системы образования в гражданской консолидации полиэтничного социума», «Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения» и др. Член Российского философского общества. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Президиума РАН.

в необходимости защиты природы отдают отчет и что-то предпринимается, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узко эмпирическом смысле как о бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности, от чего ее надо защищать, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской культуры «стираются», подавляются даже его контуры, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать.

В глобализирующемся мире человек на постсоветском пространстве испытывает культурный и мировоззренческий шок. Во многом это связано с тем, что ментальные структуры русской души входят в явные противоречия с проводимыми в стране реформами и культурой глобализма. Ядро русской духовности, сформированное православной верой и классической литературой, обозначило русскому человеку нормативность — каким он должен быть; призывало к трудной работе над собственным совершенствованием, нацеливало человека на экзистенциальные переживания и поиск ответов на традиционно русские вопросы (Как жить? Для чего жить? Как жить по совести? и т. п.). Соборность, социальная справедливость, совесть, патриотизм, антибуржуазность — главные составляющие русского духа. Они позволяют человеку остро чув-

ствовать границу добра и зла, истины и лжи, добродетели и безразличия.

В противоположность этому культура глобализма предлагает русскому человеку отказаться от традиционной для него нормативности нравственного самосовершенствования, как от чего-то отжившего, устаревшего, мешающего человеку жить в удовольствии. Глобальная культура превращает человека из социокультурной личности в «человеческий фактор» развития технологии. Ему предлагается иная цель: улучшать не себя, а лишь условия своего существования; стать на путь бесконечного удовлетворения своих гедонистических стремлений и желаний. Согласно такому подходу экзистенциальные вопросы подменяются и ограничиваются понятием «качество жизни». В этом случае тотальный гедонизм не призывает «стать духовнее», «нравственнее», «гуманнее», а изначально объявляет человека самодостаточным и свободным от любых внутренних ограничений.

Таким образом, можно констатировать, что положение человека русской культуры остается сложным и противоречивым. Если он откажется от духовной нормативности, которая органична русскому духу, то возникает опасность превратить русский культурный ландшафт в худшие образцы массовой культуры, а русского человека — в маргинала в собственной стране.